

Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций

Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252

Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations

136 E 67th Street
New York, NY 10065

Check against delivery

ВЫСТУПЛЕНИЕ
Представителя Российской Федерации
в Шестом комитете 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня
«Доклад Комиссии международного права о работе ее 74-й сессии»
(«Разрешение споров, сторонами которых являются международные
организации», «Предупреждение и пресечение пиратства и вооруженного
разбоя на море»)

31 октября 2023

Г-н Председатель,

Признательны Спецдокладчику по теме **«Разрешение споров, сторонами которых являются международные организации»**, г-ну Аугусту Райнишу за значительные усилия по разработке этой новой для Комиссии темы, в частности, за подготовку первого доклада.

Считаем включение данной темы в программу работы Комиссии весьма своевременным, рассчитываем, что ее проработка внесет позитивный вклад в кодификацию и прогрессивное развитие международного права.

Увеличение роли международных организаций и расширение их участия в международных отношениях делает особенно актуальным детальное рассмотрение вопроса о способах разрешения споров, сторонами которых являются международные организации. Как представляется, данная тема логически продолжает работу Комиссии по вопросу об ответственности международных организаций - тема, которая сама по себе заслуживает выработки соответствующей международной конвенции.

Не убеждены в необходимости пересмотра определения «международная организация» по сравнению с дефиницией, ранее одобренной Комиссией в проектах статей об ответственности международных организаций (документ A/66/10). Содержащаяся в данном документе формулировка стала итогом длительных дискуссий и тщательной выверки в Комиссии, и в пересмотре, на наш взгляд, не нуждается. Каких-либо кардинальных изменений в структуре международных организаций, требующих вскрытия ранее принятого Комиссией термина, за последнее время не произошло.

В целом не возражаем против определения понятия «спор», предложенного Спецдокладчиком для целей проектов руководящих

положений, однако не вполне ясно, какую добавленную стоимость имеет расширение данного понятия по сравнению с тем, которое отражено в решении по делу *О палестинских концессиях Мавромматиса*. При этом поддерживаем принятый Комиссией подход, в соответствии с которым данное определение не относится к простым политическим спорам. Также отметили, что Комиссия признает возможность наличия политической подоплеки у правовых споров, а также то, что возможное наличие политических аспектов в споре по вопросу права «не лишает его правового характера». В этом контексте востребовано мнение Комиссии о том, какую роль могут играть соображения политического характера не только при рассмотрении самого спора, но и при решении вопроса об инициировании спора с участием международной организации.

Хотели бы также обратить внимание Комиссии, что вопрос о том, будет ли стороной разбирательства сама международная организация или орган, непосредственно вовлеченный в спор, и, в этой связи, вопрос о том, будет ли возможным рассмотрение спора между двумя органами одной международной организации, по-прежнему открыт.

Наконец, отметили сноску 192 в первом докладе Спецдокладчика. В ней указано, что, «хотя первоначальное Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) теперь имеет свои органы и переименовано в «Организацию», среди его участников/членов существуют разногласия по поводу того, приобрел ли этот форум политического сотрудничества организационное качество и организационную правосубъектность». Полагаем, что данная констатация корректно отражает реальное положение дел и учитывает принципиальную позицию, в частности, Российской Федерации по данному вопросу. Далее, однако, утверждается, что «заключение соглашения по вопросу о месторасположении, похоже, свидетельствует о том, что это так». То есть, по логике Спецдокладчика, ОБСЕ указанной правосубъектностью обладает. Считаем данный вывод некорректным и рассчитываем, что при дальнейшей работе над данной темой Спецдокладчик будет придерживаться аккуратного подхода применительно к правовому статусу ОБСЕ. При этом с удовлетворением отметили, что в докладе Комиссии по итогам

прошедшей сессии в данном отношении приведена корректная информация.

Теперь хотели бы поделиться нашими соображениями по теме **«Предупреждение и пресечение пиратства и вооруженного разбоя на море»**.

Не можем согласиться с рядом положений комментариев к тексту проектов статей, принятому в предварительном порядке Комиссией. В целом обеспокоены тенденцией на расширение толкования морского пиратства и отсутствием обоснованных и подробных аргументов в пользу такого расширения.

Обратили внимание на то, что английский текст определения пиратства, содержащийся в проекте статьи 2, дословно воспроизводит английский текст статьи 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. При этом текст данного проекта статьи на русском языке с официальным русским текстом статьи 101 Конвенции не совпадает. Просили бы учитывать данный момент при подготовке дальнейших докладов Комиссии. Соответствующие изменения в целях единообразия необходимо внести в русский текст пункта «b» проекта статьи 3 о вооруженном разбое на море.

Не считаем достаточно обоснованной точку зрения о том, что совершаемый с личными целями на борту государственного судна неправомерный акт можно квалифицировать как пиратство по смыслу Конвенции 1982 г., как указано в пункте 6 комментария к проекту статьи 2. При этом в пункте 8 того же комментария говорится, что акт пиратства может быть направлен только против частновладельческого летательного аппарата. Из комментариев не следует, чем обусловлен разный подход к судам и летательным аппаратам в этом контексте.

Определенное беспокойство вызывает пункт 10 комментария к проекту статьи 2. Поскольку на международно-правовом уровне вопросы использования информационно-коммуникационных технологий являются достаточно новыми и пока не урегулированы, считаем преждевременной попытку распространить на «кибератаки» и беспилотники нормы о морском пиратстве. Использование информационных технологий, а также беспилотников против морских судов представляется предметом обсуждения на перспективу ввиду отсутствия достаточной фактологической базы. Как показала первая сессия Контактной группы по незаконной деятельности на море (Contact Group on Illicit Maritime Activities) (24 мая 2023 г.),

современные пираты по-прежнему весьма ограничены с технической точки зрения. Более того, в комментарии не раскрыта проблема юрисдикции в случае применения беспилотников или информационных технологий с суши.

Обратили внимание, что согласно пункту 12 комментария к проекту статьи 2, «было высказано мнение, что пиратство не всегда должно рассматриваться как акты с участием двух судов и что оно может включать в себя действия экипажа судна против этого судна». Не готовы согласиться с этой позицией. Полагаем, что в соответствии с пунктом 1 статьи 101 Конвенции 1982 г. акт пиратства ограничивается актами одного судна/летательного аппарата против другого судна/летательного аппарата. В противном случае под пиратство будет подпадать внушительное количество различных видов преступлений экипажа на своем судне. Упоминание такого единичного мнения в тексте комментария КМП может быть вредным для будущего толкования норм о пиратстве.

Пункт 13, в котором подчеркивается, что пиратство может осуществляться с суши против судов, а также говорится о том, что, по мнению некоторых членов КМП, оно может совершаться с морских

платформ, по нашему мнению, сформулирован некорректно. Первая часть первого предложения создает впечатление, что речь в данном пункте идет о деяниях, предусмотренных подпунктами «а» и «b» пункта 1 статьи 101 Конвенции 1982 г., а не о деяниях, являющихся подстрекательством к пиратству или содействием ему (подпункт «с» пункта 1 статьи 101 Конвенции 1982 г.), которые действительно могут происходить на суше. При этом стоит отметить, что на суше действует юрисдикция соответствующего государства. В этой связи возникает вопрос, может ли подстрекательство или содействие с суши рассматриваться как пиратство с точки зрения морского права. Данные соображения актуальны и в отношении действий с морских платформ.

Согласно пункту 15 комментария к проекту статьи 2 подстрекательство и содействие пиратству включают в себя его финансирование и вооружение. Здесь также обращаем внимание на то, что в отношении финансирования и вооружения с суши возникает вопрос юрисдикции и, соответственно, возможности квалифицировать эти деяния в качестве подпадающих под определение пиратства.

Благодарю за внимание.